

реальном времени планирует новые побочные ветви в соответствии с волей Небесного Дао, предоставляя различные возможности и уважая индивидуальные потребности]

Само появление такой возможности означало, что Небесное Дао и Система уже подготовили для него полный сценарий пути демона. Пусть вероятность была всего один процент, но раз она существовала, значит, могла стать реальностью.

Цин Чаньюй отложил то, что держал в руках.

— Выйди, — ровным голосом приказал он.

В воздухе возник светящийся шар, состоящий из бесчисленных потоков данных. Он издал несколько булькающих звуков, пытаясь выглядеть мило, но получалось лишь назойливо.

Цин Чаньюй коснулся его. Так, осязаем. Физическая форма.

С непроницаемым лицом он взмахнул рукой.

Хлоп! Грохот!

Светящийся шар врезался в скалу далёкой горы с оглушительным рёвом, заставив прохожих в панике перешёптываться, решив, что это земляной дракон ворочается во сне.

001 тут же вернулась обратно, издав жалобный писк.

Цин Чаньюй встряхнул рукой.

— Удали, — приказал он.

001, всхлипывая, сперва сохранила в памяти ощущение его прикосновения, а затем принялась удалять причинно-следственную нить.

[Бип... Альтернативная линия демонического пути удалена]

[Пожалуйста, удалите остаточные данные самостоятельно]

Густой запах крови во сне сменился чистым и изысканным ароматом, а крики и проклятия стихли.

Чья-то рука нежно поглаживала его по спине — так, как в детстве успокаивали старшие,

убаюкивая. Мягкие, ритмичные прикосновения помогли его напряжённому дыханию выровняться.

Складка между бровями юноши разгладилась, и уже остывшие слёзы скатились из уголков глаз.

Он спал спокойно, как ребёнок.

Лишь когда рассвет пронзил пелену сна, Ши Цинъянь очнулся.

Небо уже посветлело. Он огляделся, но Цин Чанъюя нигде не было. Сердце охватила тревога.

Юноша поднялся, но поиски в комнате не увенчались успехом. Наставника не было в номере.

На столе он заметил горстку алого пепла. При виде неё лицо Ши Цинъяня побледнело.

«Письма на красных листьях» — изделие Павильона Драгоценных Канонов, бумага для влюблённых, что сжигалась для передачи посланий. После сгорания оставался именно такой, характерный алый пепел. Ошибки быть не могло.

— Братец Чанъюй? — дрожащим голосом позвал Ши Цинъянь.

Ответа не было.

Панический страх быть покинутым охватил его. Он накинул верхнюю одежду и, в смятении распахнув дверь, бросился из гостиницы на поиски.

Едва он открыл дверь, как до него донёлся гул голосов из зала на первом этаже. Днём хозяин пригласил сказителя, чтобы привлечь постояльцев, и сейчас тот как раз дошёл до самого интересного места. Толпа то взрывалась смехом, то сочувственно вздыхала.

Из обрывков разговоров юноша понял, что сегодня пятнадцатый день восьмого месяца, и из-за праздника турнир на Платформе Нефритового Дракона был приостановлен на день. Поэтому в округе собралось множество праздных заклинателей.

Ши Цинъянь спустился вниз и с трудом начал пробираться сквозь толпу. Большинство собравшихся были бродячими заклинателями, и почему-то истории о несчастных влюблённых пользовались у них особой популярностью.

Это была классическая история любви под названием «Ночной побег», повествующая о гениальной ученице великой секты, которая предала свой орден ради демона-оборотня, а тот, в

свою очередь, отрёкся от своих сил ради неё. История их трагической и страстной любви.

Сказитель, перейдя на тонкий голосок, произнёс:

— Неважно, праведный путь или демонический, мне нужен лишь мой возлюбленный. Ни на миг не могу я расстаться с ним.

Затем, огрубив голос, он ответил:

— Ты совсем обезумела! Что хорошего в этом диком волке? Разве сравнится он красотой с Цин Мингуном?

И снова тонким голосом:

— Хоть он и уступает Цин Мингуну, но даже если бы сам Цин Мингун пришёл, я бы не променяла своего возлюбленного! Я всё равно пойду к нему!

Толпа разразилась хохотом.

Он наконец выбрался наружу и, нахмурившись, оглянулся на толпу. Казалось, в гостиницу набились люди с половины улицы.

Тревога и паника, сжимавшие его сердце, под давлением толпы немного отступили. Он стоял посреди людной улицы, охваченный растерянностью.

Он начал размышлять, почему так испугался.

Цин Чаньюю ведь не могла угрожать опасность... Нет, но ведь он уже умирал однажды, не так ли?

Пятьдесят лет назад Ши Цинъянь ещё не родился, поэтому не знал подробностей. Но то, что Цин Чаньюй был мёртв, — неоспоримый факт, о котором упоминали старшие в его семье.

— Что застыл?

Голос мужчины, чистый и звонкий, как струны циня, прозвучал в окружающем шуме на удивление отчётливо.

Ши Цинъянь резко поднял голову. Перед ним стоял Цин Чаньюй и, слегка склонив голову, смотрел на него.

Тот стоял посреди пёстрой, оживлённой улицы, подобный нефритовой статуе. Даже свет, падавший на него, казался особенно мягким.

Он слишком выделялся.

Первой реакцией Ши Цинъяня был испуг. Он огляделся по сторонам.

— Братец, твоё лицо...

— Только ты можешь видеть его ясно, — ответил Цин Чанъюй.

Простенькое заклинание, скрывающее внешность. Те, чей уровень совершенствования был ниже его, не могли запомнить его лица. Вчера из-за присутствия И Ванчэня пришлось скрываться под шляпой с вуалью, но сегодня в этом не было нужды.

Цин Чанъюй взглянул на толпу в гостинице. Возвращаться туда было бы проблематично.

Вид у Ши Цинъяня был на удивление встрепанный, словно он выбежал в спешке. Обычно он держался с выдержкой, присущей отпрыску благородного рода, и его одежда всегда была в безупречном порядке. Сейчас же пояс был завязан кое-как, а цветные нити выбились.

К счастью, мешочек для хранения вещей всё ещё висел на поясе.

Цин Чанъюй протянул руку и аккуратно поправил пояс Ши Цинъяня. Подняв глаза, он встретился с его смущённым, покрасневшим лицом.

— В гостиницу возвращаться не нужно. Пойдём со мной.

Цин Чанъюй действительно долго размышлял, как отметить день рождения Ши Цинъяня. Утром он ушёл как раз по этому делу.

Это событие легко могло затронуть его самые болезненные воспоминания, но Ши Цинъянь не должен вечно оставаться в плену того дня. Не он должен страдать.

Они прибыли на Континент Срединных земель — границу между праведными и демоническими территориями. Одна половина континента принадлежала демонам, другая — праведным сектам.

Напряжённые отношения между двумя сторонами длились не первый день. К тому же, из-за нестабильной духовной энергии эти земли были малопригодны для совершенствования и потому почти безлюдны.

Земля была усеяна россыпью индиговых цветов, в сердцевине которых мерцал огонёк. Воздух в этом цветочном море был на удивление холодным.

Ши Цинъянь опустил взгляд и заметил, что у цветов нет стеблей — они просто парили низко над землёй.

Путь от Платформы Нефритового Дракона был неблизким, и они незаметно для себя добрались сюда лишь к вечеру.

Солнце ещё не село, но на другой стороне неба уже проступил бледный диск луны.

Небо разделилось надвое, точно по границе демонических и праведных земель.

— Знаешь эти цветы? — спросил Цин Чаньюй.

Книги, прочитанные в Девятирусной Башне, не прошли даром. Ши Цинъянь, немного подумав, ответил:

— На Континенте Срединных земель растут цветы под названием футу. Без корней и листьев, они цветут круглый год.

Цин Чаньюй кивнул.

— Хорошо, что помнишь.

Он протянул руку, и цветок футу подлетел с земли и опустился ему на ладонь.

— Что ты думаешь о вчерашних словах Ци Чанфэна?

Лицо Ши Цинъяня резко побледнело, и он невольно отступил на пару шагов, не в силах ответить.

Это было то, с чем он боялся столкнуться больше всего. Вся его семья была вырезана в день его рождения, и лишь он один выжил.

Когда выживаешь один, всегда кажется, что вся вина лежит на тебе. Нужно унижить себя, втоптать в грязь, чтобы смириться с тем, что ты жив.

Проклятия Ци Чанфэна лишь вытащили эту боль на свет.

Неужели и Цин Чаньюй теперь сочтёт его дурным предзнаменованием и бросит?

— У человека три души, — продолжил Цин Чаньюй. — После смерти две из них возвращаются к небу и земле, а человеческая душа в течение трёх лет перерождается.

Цветок футу рассыпался между его пальцами, оставив на коже светящуюся голубую пыльцу. Цин Чаньюй разжал ладонь, и пыльца зависла в воздухе, подобно россыпи звёзд.

— Твои родные всё ещё блуждают в этом мире, не желая уходить. Сегодня третий год, последний день. Хочешь их увидеть?

Губы Ши Цинъяня задрожали. Он повернул голову и растерянно посмотрел на Цин Чаньюя.

— Я... — горло перехватило, и он не мог издать ни звука. — Я... хочу...

— Я хочу маму. И отца, и нянюшку Ян, и тётю, и А-Гуя...

Он бросился в объятия Цин Чаньюя, дрожа всем телом, и слёзы хлынули из его глаз.

Его сердце так и осталось в том дне, когда погибла его семья. И когда тоска прорвалась наружу, он снова стал тем беспомощным, страдающим ребёнком.

Бесчисленные талисманы вылетели из рукавов Цин Чаньюя, пронеслись над морем цветов футу, подняв волны пыли в воздух. Тысячи мерцающих огоньков закружились в воздухе, словно мириады звёзд.

Невидимые нити причинно-следственной связи протянулись из сердца Ши Цинъяня во все стороны, и пыльца начала собираться вокруг них, обретая форму.

Люди, по которым он так тосковал, предстали перед ним.

По лицу Ши Цинъяня всё ещё текли слёзы. Глядя на мать, отца и родных, он не знал, что делать, и застыл в оцепенении, лишь новые капли продолжали скатываться по его щекам.

Многолетний гнёт на мгновение отступил, и выражение его лица стало почти таким же, как у того беззаботного юноши из прошлого. Он боялся, что родные увидят, каким уродливым от ненависти стало его лицо.

Нянюшка обняла его и, с болью погладив по лицу, прошептала:

— Цин-эр, Цин-эр, как же тебе досталось...

Мать измерила его рост и, прикрыв лицо платком, тихо, сдерживая рыдания, заплакала.

На душах остались следы их смерти. Особенно заметно это было на отце Ши Цинъяня — его дух был испещрён ранами от меча, и он старался стоять к сыну спиной.

Тётя, успокоив сестру, подошла к нему.

— Твой отец боится напугать тебя своим видом. Цинъянь, не бойся нас.

Её голос был таким же мягким и нежным, как дуновение ветерка.

— А-Гуй принёс тебе сладости. Говорит, для младшего брата.

Двоюродный брат сжимал в ладони несколько конфет, но в последний момент вспомнил, что это лишь иллюзия, созданная духом, и живой человек не сможет их съесть. Он лишь горько улыбнулся и потрепал Ши Цинъяня по голове.

Ши Цинъянь, любимое дитя семьи Ши.

— Это моя вина, всё из-за меня, — рыдал он. — Если бы я не захотел праздновать день рождения, вы бы не погибли...

— Что за глупости! — раздался строгий голос отца. — То, что ты жив, — это хорошо. Не смей винить себя!

— Цин-эр смог вынести боль восстановления Золотого Ядра, — сказала мать. — Нам больше не о чем беспокоиться.

— Да, больше не о чем беспокоиться.

— Цин-эр, ты должен жить хорошо.

— Видя, каким ты стал сильным, мы можем уйти со спокойной душой...

Духи начали медленно таять, готовые вступить в новый круг перерождения.

В этом мире Ши Цинъянь остался один.

Цин Чаньюй услышал их тихий шёпот, обращённый к нему:

— Великую доброту Бессмертного Владыки мы не забудем и в следующей жизни.

— Цин-эр... мы доверяем его вам. Он бывает заносчив, и если что не так, пожалуйста, наставляйте его...

Тихий шёпот, полный бесконечной заботы.

001 не понимала, зачем Цин Чаньюй занимается такими пустяками. Призыв душ требовал огромного количества духовной энергии, особенно тех, что умерли давно. Даже с помощью цветов футу это сокращало жизнь заклинателя.

После ритуала лицо Цин Чаньюя заметно побледнело.

Неужели всё это ради душевного здоровья Дитя удачи? Слишком уж расточительное использование духовной силы.

001 попыталась проанализировать ситуацию, но её данные снова спутались в хаотичный клубок.

В полночь всё рассеялось, и талисманы в воздухе обратились в пепел.

«Я» пришло из неба и земли и в конечном итоге вернётся к ним. Всё, кроме собственного «я», — внешнее.

Так устроен человек.

Человек обречён на одинокий путь, а жизнь в этом мире — вечное одиночество.

Ши Цинъянь пришёл в себя и посмотрел на спину наставника.

Он слышал о нём лишь из чужих уст — о его любовных похождениях, о бесконечных спорах вокруг его имени. Казалось, Цин Чаньюю никогда не недоставало поклонников, стоило ему лишь поманить пальцем, и к его ногам падали бесчисленные толпы.

Но сейчас в его худой фигуре сквозила безмерная, глубокая тоска.

Словно Бессмертный Владыка пришёл в этот мир один и всегда был один.